

Ши Вэй продолжал улыбаться, его взгляд оставался мягким и спокойным:

— Товарищ Чэнь, как бы то ни было, мы все же одноклассники. Использовать слова вроде «собака» для оскорбления — это не очень хорошо, не так ли?

— Оскорблять тебя? — Чэнь Сюйлинь громко рассмеялся. — Что значит оскорблять? Чтобы оскорбить, ты сначала должен быть человеком. Если я называю тебя собакой, то это оскорбление. А я называю себя собакой, так что это не оскорбление.

Его подручные тоже засмеялись, смотря на Ши Вэя с насмешкой, как будто они считали его глупым.

— Ну и ну, настоящая собака, — насмешливо сказал Чэнь Сюйлинь. — Даже после таких слов ты продолжаешь улыбаться. Видно, что ты мастер подлизываться, даже улыбка у тебя такая искусная!

Ши Вэй сохранял улыбку, его голос был спокойным и размеренным:

— Но я всё же не так искусен, как вы.

Он тихо продолжил:

— Вы куда искуснее. Сколько бы вы ни ругались за спиной, но когда встречаете Лу Юаньчжи, сразу начинаете улыбаться, кланяться и говорить: «Господин Юаньчжи, сегодня на завтрак у нас каша или соевое молоко?» Ну и ну, вы даже готовы ему ботинки почистить, а теперь смеете называть меня подлизой?

Ши Вэй мастерски изобразил льстивый и бесхарактерный тон, чуть не рассмешив подручных Чэнь Сюйлиня.

Ши Вэй не знал этого человека, в его памяти не было никаких воспоминаний о нём, но это не значит, что он собирался просто сидеть сложа руки. Кто он такой? Человек, прошедший через множество интриг в бизнесе, неужели он боится таких слов?

Он не знал Чэнь Сюйлиня, не знал его характера, не знал его моральных качеств, но после того как он услышал, как тот за спиной оскорбляет Лу Юаньчжи, а затем, увидев его, испугался и стал агрессивным, он смог примерно представить, что это за человек.

Ши Вэй не знал, что тот делал втайне, но разве он не мог придумать? В его памяти не было этого человека, а значит, в будущем он не достигнет больших успехов и не станет знаменитым.

Таких людей Ши Вэй встречал много. Его чувства к Лу Юаньчжи сводились к зависти и ненависти: он одновременно унижал его и втайне завидовал.

Хотя Ши Вэй просто выдумывал, но, увидев мелькнувшую на лице Чэнь Сюйлиня панику и злобу, он понял, что попал в точку.

У Чэнь Сюйлиня было немного денег, и он окружил себя подручными, но те держались рядом только ради денег, и никакой настоящей дружбы между ними не было. Эти люди не были слепы, и Чэнь Сюйлинь плохо скрывал своё беспокойство, так что они начали шептаться между собой.

— Некоторые люди думают, что они важные персоны, смотрят свысока на всех, но на самом

деле? Ха! Они даже хуже, чем подлизы! Посмотри на своих «друзей», которые вместе с тобой подлизываются, разве они осмелятся ругать своего хозяина за спиной? — Ши Вэй постепенно перестал улыбаться, его взгляд стал холоднее.

— Товарищ Чэнь, ты вообще имеешь право здесь находиться? В нашем университете есть бездомные собаки, но они все очень послушные. А ты... — Ши Вэй не договорил, оставив Чэнь Сюйлиню достаточно пространства для воображения.

Чэнь Сюйлинь покраснел. Он очень дорожил своей репутацией, а Ши Вэй словно снял с него кожу, выставив его самые постыдные стороны на всеобщее обозрение. Яркий свет почти превратил его в пепел.

Дереву нужна кора, а человеку — лицо. Чэнь Сюйлинь, которого подручные смотрели с подозрением, а Ши Вэй открыто называл хуже собаки, покраснел и чуть не бросился на него с кулаками.

Но прежде чем он успел это сделать, подошёл охранник с дубинкой и пистолетом на поясе:

— Что здесь происходит?

Охранники Яньцзинского университета были опытными и хорошо обученными ветеранами, и их строгий взгляд заставил студентов, которые любили сплетничать за спиной, сразу же сникнуть и опустить глаза.

Эти люди не были студентами Яньцзинского университета, и охранники, запомнив их лица, нахмурились.

Хотя университет и разрешал посторонним входить на территорию, но если кто-то представлял угрозу безопасности, они не стали бы церемониться.

— Пошли, в отдел охраны.

Ши Вэй, конечно, остался в стороне. Ему дали несколько советов и отпустили.

Ши Вэй усмехнулся и запомнил лицо Чэнь Сюйлиня.

Хотя он знал только его фамилию, но Яньцзин — это не такое уж большое место, и он обязательно найдёт его.

В прошлой жизни отношения Линь Фэна и остальных с Лу Юаньчжи испортились не только из-за нашептываний Бай Ифан, но и из-за бесконечных сплетен одноклассников, которые говорили, что они намеренно подлизываются, стараются сблизиться с ним, готовы на всё ради того, чтобы завоевать его расположение.

Семнадцати-восемнадцатилетние подростки очень импульсивны и дорожат своей репутацией, и они не могли вынести такие разговоры. К тому же их впечатление о Лу Юаньчжи было негативным, так что их отчуждение и даже ненависть были неудивительны.

Глаза Ши Вэя потемнели, в его голове роились мысли, но в итоге он лишь тихо вздохнул.

Такие слухи явно не возникали просто так, из-за пустых разговоров. Различные мифы и подробные «семейные истории», которые пугали своей точностью, заставляли задуматься, не было ли кого-то, кто намеренно портил репутацию Лу Юаньчжи.

А какая в этом выгода? Она очевидна. Плохие отношения с родственниками, отсутствие друзей — такого человека можно уничтожить, и никто не вступится за него, когда он окажется в трудной ситуации.

— Ши Вэй, почему ты так поздно вернулся?

Мачеха Лу Юаньчжи, как и в прошлой жизни, намекала на что-то, но, несмотря на её намеки, благодаря тому что Ши Вэй постоянно добавлял Лу Юаньчжи положительные черты, их отношения оставались хорошими.

— Купил немного лапши, говорят, в этом месте она очень вкусная. — Вернувшись, Ши Вэй увидел на столе несколько коробок с остывшими блюдами.

Лу Юаньчжи всегда был своенравным, но он не был совершенно бесчувственным. Чтобы не задеть их чувства, он специально купил еду в столовой. Там были жареная свинина, тушёная свинина, жареные ломтики мяса, тушёная говядина, мясо с перцем, жареные креветки, грибы с мясом и... свинина по-пекински — всё это были ароматные и сытные блюда.

Лу Юаньчжи пригласил их на обед, но не объяснил причину, поэтому Ши Вэй не стал покупать торт. Утром он встал рано, чтобы замесить тесто, и, вернувшись после занятий, сразу же сварил лапшу.

Лапша была приготовлена Ши Вэем, он хорошо замесил тесто, поэтому она получилась упругой и вкусной. Края были мягкими и пропитанными бульоном, а середина — немного твёрдой, но не сырой, а упругой.

Бульон был простым — только ростки фасоли и грибы. Ростки придавали свежесть, а грибы — сладость. Хотя это и не сравнить с наваристым куриным бульоном, но у него был свой неповторимый вкус.

В качестве добавки Ши Вэй использовал купленные в тот же день тушёные свиные ножки. Его навыки нарезки были отличными, и каждый кусочек был тонким, почти прозрачным, но не настолько, чтобы потерять свою текстуру.

Свиные ножки были идеально приготовлены: слой мягкой, но упругой кожи, слой полупрозрачного жира, слой прозрачных и упругих сухожилий, а затем — ароматное мясо.

Лапша вместе с кусочком свиной ножки — это было настоящее наслаждение, независимо от того, ели ли их вместе или по отдельности.

Лу Юаньчжи посмотрел на лапшу в алюминиевой коробке, сжал губы и намеренно отвернулся от Ши Вэя.

У всех были свои коробки и палочки. Еда из столовой, которую купил Лу Юаньчжи, была простой, но для ребят, которые редко ели так много мяса, это был настоящий пир.

Ши Вэй, похоже, был одержим свиной по-пекински, потому что первым делом взял немного потемневших мясных полосок.